

4 янв. 1986

ХУДО

ДИАЛОГ: КАК РОЖДАЕТСЯ НОВОЕ В ИСКУССТВЕ

Екатерину Максимова и Владимира Васильева нет необходимости представлять любителям не только балета, но и кинематографа. Их сотрудничество с кино уже традиционно, и главное — плодотворно. Работы Екатерины Сергеевны в фильмах-балетах «Галатея» и «Старое танго» собрали у телеэкрана огромную и благодарную аудиторию. Совместная работа Максимовой и Васильева в фильме-балете «Анюта» получила высокую оценку — Государственную премию имени братьев Васильевых.

Сейчас близится к концу съемки фильма «Любовь моя — балет», где Максимова исполняет главную роль балерины Князевой, а Васильев — балетмейстера Новикова. Он является также автором хореографии и одним из постановщиков фильма. Многие в этой работе заранее представляется необычным, ибо Максимова и Васильев — большие художники, не идущие торными путями.

О новом фильме, съемки которого проходят в Ленинграде, о синтезе кино и балета беседу ведет О. Хрусталева.

— В мировом кинематографе за последние годы появилось довольно много фильмов о работе балетных актеров. Ориентируетесь ли вы на то, что уже сделано?

ВАСИЛЬЕВ: Я пытаюсь не повторить уже пройденного. Не хочется ставить так, как, например, Боб Фосс, хотя мне нравится его картина «Вся эта чепуха». Разные социальные среды порождают различные проявления личности. Все западные фильмы объединяет попытка показать, как профессия похищает человека, убивает его во имя художника-творца. Я в данном случае не высказываю свое кредо в отношении балета. Фильм — лишь частичка, один из фрагментов жизни людей нашей профессии. Человек на определенном этапе задумывается — продолжать ему работу в профессии или уйти, — вопрос, встающий перед любым художником.

— Есть ли совпадения ситуаций реальной жизни и сценария нового фильма?

МАКСИМОВА: Фильм «Любовь моя — балет» в чем-то автобиографичен, причем скорее в жизненных ситуациях, не связанных напрямую с профессией. Но именно здесь возникают сложности, потому что в подобных ситуациях я бы поступила совсем иначе, чем Князева. Мне приходится постоянно бороться с собственным ощущением, чтобы не разрушить состояние героини. Кроме того, порой возникает «комплекс неправды профессии». Те ее «черные стороны», которые есть на самом деле, скажем, нарастающая временами жуткая усталость — физическая, духовная, моральная, обо всем этом в сценарии сказано лишь в десятой доле.

— По сюжету фильма вы ставите балет «Мастер и Маргарита» как Владимир Васильев или как балетмейстер Новиков?

ВАСИЛЬЕВ: На 90 процентов балетные сцены поставлены так, как они видятся героине Князевой, каким она воображает будущий спектакль. Лишь в сцене «Бала» мы даем намек на то, как мыслит себе это Новиков. В фильме нет ни одной сцены, которая раскрывала хотя бы одну из глав романа, пересказывала его языком балета. Но мне хотелось, чтобы на экране присутствовал его дух, звучал вопрос о месте художника в жизни, о роли творца, мастера.

Для меня у Булгакова привлекательна прежде всего гротесковость. Но как балетмейстер я бы поставил совсем другую историю. Перенес бы все действие романа в театр, где Мастер, написавший либретто, ставит спектакль, который постоянно вертится в его голове. А Маргарита была бы девочка из кордебалета, потому что у Булгакова героиня не имеет никакой общественной значимости, она существует как сугубо духовное начало. И будни Маргариты в романе — это мир однообразия, как у девочки из кордебалета до встречи с Мастером, которого никто не понимает, и сам он не понимает, что он такое. Он просто творит, потому что не может не творить, не может не ставить, а ставить нигде, и в этом — трагедия художника. Бытовая линия и линия Воланда, по моему, легко переносятся в балет. Для меня же меняется самое главное — мир писателя переносится в мир балетмейстера.

— Балетный актер, вообще — любой театральный, закончив спектакль, получает или не получает удовлетворение, зрительский отклик. Кино — процесс, развернутый во времени. Не мешает ли это актерскому самочувствию, в чем сложности, где «за» и «против»?

МАКСИМОВА: В театре готовишь весь спектакль, проходишь роль от А до Я, выстраивая образ, логику перехода от состояния к состоянию. Это длительный процесс подготовки. Хо-

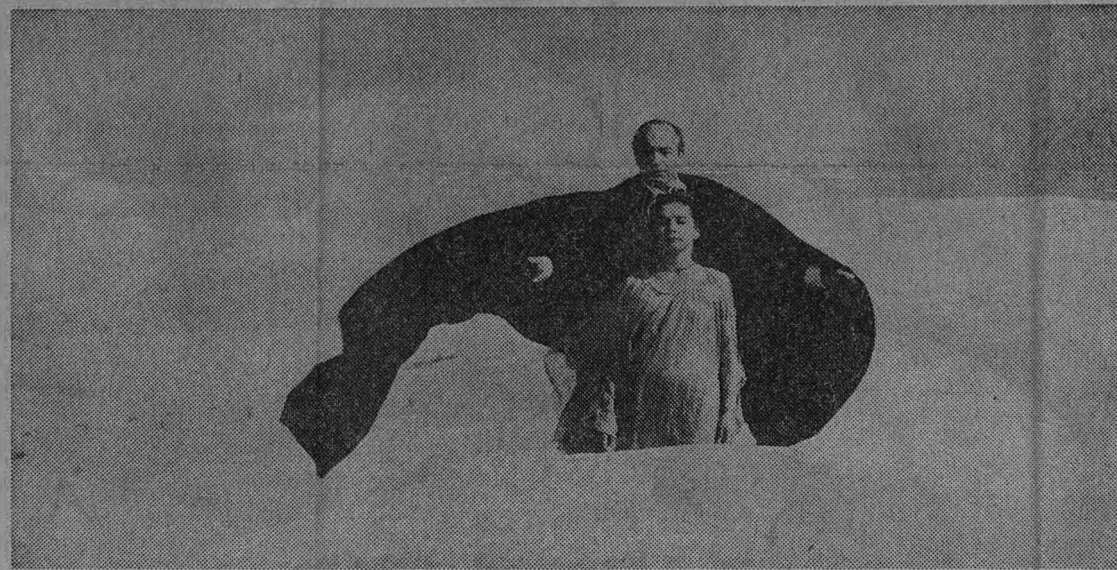

Екатерина Максимова,

Владимир Васильев,

народные артисты СССР

БАЛЕТ — НАША ЛЮБОВЬ

тя в кино на репетиции каждого кусочка тратится даже больше времени, сложности возникают именно из-за отсутствия постепенного подхода. Вдруг ни с того ни с сего приходится из фразы, момента создать то, что когда-то было или что определяет сегодняшнее. Вдруг сочинить все предыдущее, засмеяться или заплакать... Эмоционально это требует гораздо больших затрат. То, что в спектакле рождается в результате действия, то, для чего в театре существует возможность «разгона», в кино нужно выдать сейчас, сиюминутно. Эпизод по времени занимает одну минуту, а эта минута требует такого напряжения, которое отдаешь всему спектаклю. Вероятно, у киноактеров с большим стажем есть навыки, и им нужно затрачивать меньше сил на эти внезапные переходы. При этом я не могу сказать, что отдаю предпочтение театру или кинематографу. Всегда важен результат, но для меня он внутренне значим только в том случае, если интересен процесс достижения этого результата. Он становится важным, нужным, когда можешь что-то открыть не в смысле новизны каких-то проблем или коллизий, а проявить то, что накопилось внутри и с течением жизни вбирается в душу...

— Балет — искусство условное, у него свой, веками разработанный язык. Есть ли для вас сложности перехода в игровой фильм, где вы изъясняетесь не только пластикой, но и словами?

МАКСИМОВА: Конечно же, различные ощущаются. Вероятно, самая большая проблема заключена именно в слове. Особенно сложно бывает, когда нужно произнести в камеру только одну фразу. Слова в какой-то степени зажимают и лимитируют то, что хочется выразить в данный момент. В балетном спектакле идешь от музыки, которая помогает обрести нужное

состояние, дает эмоциональный настрой. Музыка подталкивает воображение, и в спектакле актер подвластен ей, потому что она заставляет жить в своем мире. Ужасно трудно проводить любовную сцену вне музыкального материала. Мне кажется, что есть вещи, которые пластически можно раскрыть тоньше, чем словами. В конце концов и в жизни иногда слова значат не так уж много. Все объясняется в любви, все произносят одну и ту же фразу «Я тебя люблю», — но не по ней мы понимаем, что нам хотят сказать. Говорят глаза, руки. Именно поэтому балетное искусство богаче отенками. И в драматическом театре актер, который владеет выразительной пластикой и жестом, для меня гораздо выше. Я всегда наблюдаю за тем, как актер подходит, подает руку. При этом не обязательно танцевать, но иметь выразительное тело, мне кажется, необходимо. Иногда одна протянутая рука может выразить больше, чем монолог...

— Существует ли различие в работе над фильмом-балетом и фильмом о балете? Есть ли дальнейшие планы в области кинематографа?

ВАСИЛЬЕВ: В фильме-балете текстом становится музыка, и я себя чувствую более раскрепощенным в подаче материала. Что видишь в звуках музыки, то и ставишь. А здесь текст не только музыкальный, но и словесный, и взаимоотношения людей решаются не только через пластику, а, так сказать, через бытовые пласты. Все ново, сложно, очень сложно. Я не считаю себя профессионалом в кино, хотя отдаю ему сейчас все силы, и для того, чтобы разговаривать с кинематографистами на одном языке, нужно съесть еще пуд соли.

Груда отснятого материала, разных кусков, как хаос мыслей, которые теснятся в голове и которые нужно привести в порядок. В театре

все складывается по-другому, и я думаю, что даже для известных кинорежиссеров постановка спектакля не была бы простым делом. Везде есть свои профессиональные законы. Я не знаю всех технических приемов кино, но, снимая фильм, я мыслю экраном, и вижу, что в данный момент происходит в нем. В театре же я мыслю только сценой, и в этом — огромное отличие. То, что в театре технически невозможно сделать, в кино — легко. Поскольку существуют различные законы восприятия, в фильме в течение минуты можно показать то, на что в театре требуется целая сцена.

Да, мне хотелось бы снять потом фильм, какой — не могу еще сказать, но совсем без балета и без слов.

— Хотелось бы вам сыграть чисто драматическую роль?

МАКСИМОВА: Конечно, это очень заманчиво, но страшно, и на это трудно решиться, хотя в театре меня всегда привлекали спектакли с наибольшим драматическим материалом. Я не люблю абстрактных ролей вроде принцесс, фей, сальфид. Конечно, профессия балетного артиста предполагает и умение выйти, и просто хорошо станцевать вариацию, и я должна это делать, но тянуло меня к драматическим эпизодам, они приносили мне гораздо большее удовлетворение, хотя теперь в балете это порой не считается нужным. Когда я снималась в первых фильмах-балетах, то заговорили, что у меня открылся драматический талант. Не знаю. Я себя не переделывала...

— Насколько для вас важен партнер и есть ли разница в том, как вам работаете с Васильевым или с другими партнерами?

МАКСИМОВА: Существовать отдельно, отвлеченно от партнера я просто не умею. И чем выше, талантливее он, тем легче работать. Вероятно, мужу с женой работать в чем-то сложнее, чем с другими людьми. Хотя, с другой стороны, и легче — нет необходимости многого объяснять, понимаешь с полуслова, но в смысле атмосферы — сложнее — меньше терпимости. Для меня репетиции с Володиной проходили всегда сложно. Я предъявляю к нему очень высокие требования — он должен меня идеально чувствовать, идеально держать, идеально работать сам.

— Вы сыграли в трех фильмах-балетах, есть ли среди них особенно дорогой для вас?

МАКСИМОВА: Они все одинаково дороги мне, близки со всеми своими плюсами и минусами. Ведь я даже больше, чем зритель, знаю, что не получилось. Когда снимался «Жигало и Жиголетта» и мне впервые пришлось заговорить на экране, не было уверенности, что все получится. Даже если считать, что проба была не вполне удачной, я все равно не жалею. На ошибках учатся, и я не понимаю ожидания «своих» идеальных ролей, «своего» идеального балетмейстера или режиссера, идеальных условий работы — так можно прожидать всю жизнь. Лучше ошибаться, но делать.

— Кому адресован фильм «Любовь моя — балет»?

ВАСИЛЬЕВ: Если выносите работу на суд массового зрителя, безусловно, хочешь, чтобы фильм был понятен всем. Этого идеала не достигал, вероятно, ни один художник. Но стремиться к нему необходимо. Я не верю в возможность ставить для художественной «элиты» или для «массы». Если уж я начал говорить, то хочу быть понятым. Наверное, существует работа по заказу. Например, если бы моя мама или Катя заказали бы мне фильм, то я снимал бы только для них, ориентируясь на наш внутренний язык. Но вообще мне хотелось бы увидеть фильм во всех кинотеатрах. Он не подарок балетоманам, избранным, нет, он — для всех. Я не убежден, что его примут все, но такая мечта у меня существует.

— Вы находитесь в зените славы. Не обременяет ли вас это, не мешает ли в работе, жизни?

МАКСИМОВА: Слава? В жизни я ее почти не ощущаю. Меня никто не узнает на улице, нередко и одергивают: «Кто вам разрешил сюда войти?» Известность обязует в смысле творческом, требует постоянно «перепрыгивать» через то, что уже сделано. Зритель, который приходит в театр увидеть Максимова, ждет чего-то сверхъестественного, хочет увидеть нечто «ах!». Невозможно существовать на одном месте, потому что сохранение одного уровня — уже шаг назад.

● Е. Максимова (Князева) и В. Васильев (Новиков) в фильме «Любовь моя — балет».

● Е. Максимова и В. Гафт в фильме «Любовь моя — балет».

Фото О. Моисеевой.